

Ю. М. Григорьева

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ШВЕДСКОГО БИБЛЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетия XX в. в Швеции актуализировался вопрос об особенностях библейского языка. Причиной тому стала работа над новым переводом Библии на шведский язык, которая велась по совершенно новым принципам. Переводчики сознательно отказались от существовавшей на протяжении нескольких веков традиции перевода Библии с тем, чтобы создать понятный любому жителю Швеции текст, написанный на современном шведском языке. Наибольшее внимание уделялось изменениям, произошедшим в шведском языке, и его современному состоянию, а также точности перевода. Дело в том, что во время работы над Библией 2000 г. переводчики впервые использовали исключительно оригинальные тексты, не опираясь на более ранние переводы¹.

Язык Библии обладает определенными особенностями, которые проявляются на всех языковых уровнях, но наиболее заметны в лексике (во многом — во фразеологии) и морфологии, которая в Библии зачастую архаизирована. Именно особенности лексического и морфологического уровней шведского библейского языка описаны в литературе наиболее подробно, мы же остановимся на рассмотрении характерных черт синтаксического уровня, до недавнего времени не подвергавшихся пересмотру в переводах Библии, проанализируем конструкции и явления, ставшие неотъемлемой частью шведского библейского языка.

Работа над переводами Библии на шведский язык началась в

связи с проведением в стране Реформации. Первым был переведен и издан в 1526 г. Новый Завет. В работе над переводом использовались в первую очередь перевод Эразмуса на латинский язык, немецкий перевод Лютера, а также официально принятая католической церковью Вульгата. Шведский лингвист Бенгт Памп отмечает, что в стилистическом отношении латынь Эразмуса и «народный» немецкий язык Лютера значительно отличаются друг от друга, что сказалось и на некоторой непоследовательности в шведском переводе. Кроме того, в Швеции на тот момент отсутствовала традиция перевода Библии, на которую переводчики могли бы опереться². Единственной наработанной базой был язык, культивируемый в Вадстене, где в монастыре уже имелся опыт перевода Библии, а также канцелярский язык, получивший широкое распространение в XV в.

Основной особенностью Нового Завета 1526 г. стала сильная привязанность к текстам Эразмуса и Лютера, которыми пользовались переводчики шведской Библии. В результате этого в шведском тексте появилось много конструкций, неестественных для шведского языка того периода. Так, шведский лингвист Карл-Ивар Столе в качестве наиболее типичного примера подобной конструкции выделяет активное использование переводчиками причастия настоящего времени в нехарактерных для шведского языка позициях и объясняет это явление влиянием латинского языка: *thet gaff fruct vppgongandes och vppväxandes* ‘и дало плод, который взошел и вырос’ (Mark 4: 8)³. В Библии Густава Васы 1541 года на месте причастий настоящего времени зачастую используются более естественные шведские определительные конструкции: *thet baar frucht som vpgick och werte* (Mark 4: 8)⁴. Столе считает, что в этом отношении переводчики ориентировались на немецкий перевод Библии Лютера, которому почти полностью удалось избавиться от латинизмов⁵.

Так же неестественна для шведского языка начала XVI в. частотная для Нового Завета причастная конструкция, выражающая будущее время, *dagha warda kommande* ‘придут дни’ (Mark 2: 20). Наряду с вышеописанным использованием причастия настоящего времени, эта конструкция представляет собой наследие средневековой традиции перевода. Высказывалось предположение, что употребление подобной футуральной конструкции восходит не к латыни, а нижненемецкому, где существовала конструкция со значе-

нием будущего времени *wird ... kommend*⁶. В издании 1541 г. она в большинстве случаев была заменена на гораздо более естественный для шведского языка вариант с модальным глаголом долженствования — *the daghar skola komma*. По мнению Натана Линдквиста, переводчикам шведской Библии было не избежать немецкого влияния, но в целом можно сказать, что Новый Завет 1526 г. обладает большей независимостью от перевода Лютера, нежели Библия Густава Васы, где близость к немецкому тексту более всего проявляется на синтаксическом уровне⁷.

О влиянии канцелярского языка на первый перевод Библии позволяет говорить неупорядоченное использование многообразия служебных частей речи. Однако с выходом полного перевода Библии в 1541 г. эта непоследовательность была устранена. Например, вместо союзов *ty, för ty, ty ath, för ty ath* в переводе Нового Завета 1526 г., в Библии Густава Васы встречается только *ty* ‘ибо’, варианты *ath, på thet, uppå thet, på thet ath, uppå thet ath* преобразуются в *at* ‘что’ и *på thet* ‘чтобы’, а имеющие немецкое происхождение *likervis som* и *doch likwål* — в *likasom* ‘так же как’ и *doch* ‘однако’.

Новый Завет 1526 г. отличается также характерная для разговорного языка многословность, выражающаяся, например, в частом употреблении местоимений и распространенных определений: *är thet så ath titt ögha är enfäldugt* ‘если око твоё будет чисто’ (Matt 6: 22); *Hurw kommer thet till ath j intit förstå* ‘как же не разумеете’ (Mark 8: 21).

Язык Библии Густава Васы уже значительно отличался от языка Нового Завета, появившегося лишь пятнадцатью годами ранее. Переводчики стремились к упрощению языка и концентрированной передаче информации, в результате чего текст стал четче и понятнее. Изменения претерпел и синтаксис новой Библии. Упрощению способствовало, например, сокращение количества придаточных предложений и использование на их месте номинальных фраз. Чтобы избежать излишней многословности, в тексте значительно реже употребляются местоимения, предпочтение отдается субстантивированным прилагательным и инфинитивам.

В переводе 1541 г. на месте придаточных предложений, а также предложных и генитивных конструкций появляются сложные слова. Так, существительное *slachtofåår* ‘овца, обреченная на заклание’ (Rom 8: 36) заменяет в Библии Густава Васы тяжеловесную синтаксическую конструкцию *får the ther slactas skola*, суще-

ствительное *hörnsteen* ‘камень... сделался главою угла’ (Mark 12: 10) — предложную конструкцию *huffwudhsteen j hörnet*, существительное *frestelsedaghen* ‘день искушения’ (Hebr 3: 8) — генитивную конструкцию *frestilsens dagh*.

В Библии Густава Васы переводчики активно использовали глаголы с приставками, считающиеся принадлежностью письменного языка. В Новом же Завете 1526 г. культивировалось употребление глаголов с приглагольными частицами (*sönderbryta — bryta sönder* ‘ломать’, *igenlösa — lösa igen* ‘выкупать’).

В Библии 1541 г. встречается множество примеров энклитического употребления местоимений, что, вероятно, также объясняется общей тенденцией к максимальной концентрации информации. Так, пример из Нового Завета 1526 года *Så grijpo the honom, och leeddhe och haffdhe honom in...* ‘Взявши Его, повели, и привели в...’ (Matt 26: 48) в Библии Густава Васы выглядит следующим образом: *...leedden och hadhen in...* С дальнейшим развитием языка и более четкой дифференциацией функциональных стилей в XVIII в. подобное употребление местоимений стало восприниматься как характерная черта разговорной речи, однако в тексте Библии сохранилось до появления нового перевода в 1917 г.

К началу XVI в. порядок слов в шведском предложении стабилизировался и принял в целом свой сегодняшний вид, т. е. сказуемое прочно заняло второе место в предложении. Однако в первых переводах Библии на шведский язык встречаются отклонения от этого правила. В главном предложении глагол мог занимать и первое место. В качестве причин тому можно выделить не только иностранное влияние, но и использованную в качестве стилистического приема архаизацию, поскольку постановка глагола на первое место может быть непосредственно связана как с латинским языком, так и с особенностями древнескандинавских языков, где глагол мог занимать первое место в предложении, особенно в эпических повествованиях⁸. Приведем несколько примеров: *Sadhe Jesus til henne...* ‘Иисус говорит ей...’ (Joh 11: 23); *Stodho och öffuerste presterna och the scrifftlärde och claghadhe swårligha på honom* ‘Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его’ (Luk 23: 10).

Нарушение стабилизировавшегося порядка слов выражалось также в постановке глагола на последнее место в придаточном предложении как в Новом Завете 1526 г., так и в Библии Густа-

ва Васы. Это явление может быть обусловлено как влиянием перевода Лютера, так и воздействием на переводчиков канцелярского языка того периода, в свою очередь также испытывавшего влияние немецкого языка. Приведем примеры из Библии Густава Васы: *som i stadhen skeedt war* 'произведенное в городе' (Luk 23: 19); *then j fängelset satt war* 'посаженного... в темницу' (Luk 23: 25)⁹.

Первые переводы Библии на шведский язык, в особенности Библия Густава Васы, сыграли важную роль в истории шведского языка и становлении литературной нормы. Библия Густава Васы получила широкое распространение и просуществовала практически в неизменном виде до появления перевода в 1917 г. В переводы Библии, издававшиеся с 1541 по 1917 г., были внесены лишь незначительные изменения, касающиеся орфографии.

Библия 1917 г. (или Библия Густава V) стала результатом работы, продолжавшейся с 1773 г., когда Густав III создал Комиссию по переводу и редактированию Библии. Руководителем переводческой работы стал Эсайас Тегнер младший, внук великого поэта. Язык нового перевода должен был быть живым, торжественным и в то же время не архаичным. Сохранение и приверженность традиции выражаются в основном на лексическом уровне, крылатые выражения остались неизменными, лексический состав нового перевода также не подвергся значительным изменениям. Стремление к особому библейскому стилю проявляется и в выборе грамматических средств. Например, в Библии нет кратких форм глаголов в инфинитиве и настоящем времени типа *bli, blir* 'становиться', *ge, ger* 'давать', *ta, tar* 'брать', а только *bliva, bliver, giva, giver, taga, tager*. Однако это не относится, например, к форме *haver* от глагола *hava* 'иметь'.

Отрицание *inte* отсутствует, вместо него употребляются *ej* и *icke*. Особый стиль переводу придает также использование местоимения 2-го лица множественного числа *I* вместо *ni*, а также форм множественного числа глаголов, ставших на тот момент естественными для шведского языка.

Сознательное приближение текста Библии 1917 г. к разговорному языку проявляется во многом и на уровне синтаксиса. Переводчики избегали характерных для греческого и латинского языков конструкций с причастиями настоящего времени, которые сохранились лишь в одном предложении: *Gån fördenskull ut och gören alla*

folk till lärjungar, döpande dem i Faderns och Sonens och den helige Andens namn, lärande dem att hålla allt vad jag har befallt eder ‘Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, Уча их соблюдать все, что Я повелел вам...’ (Matt 28: 19–20).

Значительные изменения произошли также в использовании союзов и союзных слов. Например, *ehuru, emedan* и *enär* заменены на *eftersom* ‘так как, поскольку’ и *fastän* ‘хотя’. Редко встречаются *varav* ‘из чего, отчего’, *varmed* ‘чем’, *varigenom* ‘через, благодаря’, а *varest* ‘где’ отсутствует вовсе. На месте *även* ‘также’ используются *också, ock, så ock* с тем же значением, а вместо устаревшего *på det att — för att* ‘для того чтобы’.

Придать переводу несколько разговорный оттенок и несколько его оживить переводчики старались с помощью частого использования в качестве логических связующих звеньев прагматических частиц *ju* ‘ведь’, *nu* ‘сейчас’, *då* ‘тогда’, *så* ‘так, таким образом’, *väl* ‘вероятно’: *Då de nu hade kommit tillhoppa, frågade de honom...* ‘Посему они, сошедшись, спрашивали Его...’ (Apg 1: 6); *skriftens ord skulle ju fullbordas* ‘Но да сбудется Писание...’ (Joh 13: 18).

Отметим, что в письменном шведском языке рубежа XIX–XX вв. зачастую опускался вспомогательный глагол *hava* в придаточных предложениях. Это явление не нашло отражения в переводе 1917 г., что, вероятно, объясняется стремлением переводчиков приблизить текст Библии к живому, разговорному языку. По той же причине в Библии 1917 г. предпочтительно используются глаголы с прилагательными частицами вместо глаголов с приставками, активно вводится пассив с вспомогательным глаголом *bliva*, а также изобилуют характерные для устной речи описательные и эмфатические конструкции, что сближает этот перевод с Новым Заветом 1526 г.: *Är det nu så, att ljuset, som du har i dig, är mörker, huru djupt bliver då ické mörkret?* ‘Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?’ (Matt 6: 23); *och folket gick åstad för att se vad det var som hade skett* ‘и жители вышли посмотреть, что случилось’ (Mark 5: 14).

Исследователь Библии 1917 г. Эрлинг Эйдем говорит о ней следующее: «Одновременно с тем, как данный перевод Библии стремится к воссозданию настоящего библейского стиля, наблюдается стремление к выражению на естественном, современном, разговорном шведском языке»¹⁰.

Итак, за более чем 400-летнюю историю переводов Библии на шведский язык на синтаксическом уровне наибольшим изменениям подвергались следующие аспекты:

- 1) порядок слов как в главном, так и в придаточном предложении;
- 2) преобразование описательных конструкций в сложные слова;
- 3) использование аналитических глагольных форм вместо характеризующихся ограниченным набором грамматических функций глагольных форм (причастие настоящего времени, глаголы с приставками);
- 4) когезия текста (употребление союзов и частиц).

Жизнь Библии 1917 года была недолгой, и уже в середине XX в. заговорили о необходимости нового перевода. Работа над Библией 2000 г. велась по новым принципам, получившийся перевод сильно отличается от своих предшественников, и в скором времени, вероятно, можно будет говорить о новой традиции переводов Библии на шведский язык.

¹ Подробнее о работе над Библией 2000 г. см., напр.: *Olsson B. Från Birgitta till Bibel 2000.* Stockholm, 2001.

² *Pamp B. Svensk språk- och stilhistoria.* Lund, 1971. S. 231.

³ Здесь и далее русский перевод примеров дается по изд.: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1989.

⁴ *Stähle C.I. Några drag i det svenska bibelspråkets historia 1526–1917 // Nyöversättning av Nya testamentet.* Uppsala, 1968. S. 510.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. S. 511.

⁷ *Lindqvist N. Bibelsvenskans medeltida ursprung.* Uppsala, 1929. S. 29–30.

⁸ *Stähle C. I. Några drag...* S. 513.

⁹ *Bergman G. Kortfattad svensk språkhistoria.* Stockholm, 1988. S. 92.

¹⁰ *Eidem E. Vår svenska bibel.* Stockholm, 1923. S. 115.

Juliana Grigoryeva

SYNTAX OF THE SWEDISH BIBLE LANGUAGE

In the second half of the 20th century the question on specifics of the language of Bible in Sweden came to the forefront, due to the publication of a new Bible translation in 2000. The new concept was not to follow the conventional path existing for many centuries, but instead to produce a text written in contemporary language legible for any modern Swedish speaker. The language of Bible has certain specific characteristics traced at all linguistic levels. Researchers traditionally focused their attention on the analysis of

lexical and morphological features of the text. However in this article we are to concentrate on the syntax that until recently remained unchanged in prior translations of the Bible, analyse the constructions and phenomena which are perceived as integral part of the Swedish Bible language.